

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

Книга
воспоминаний

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 929(470)“1866/1930”
ББК 63.3(2)52-8
Р69

Романов, Александр Михайлович.

Р69 Книга воспоминаний / Александр Романов. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (1917. Разорванная нить. Личные истории конца старой России).

ISBN 978-5-04-243686-4

Великий князь Александр Михайлович Романов — двоюродный дядя Николая II и одновременно муж его родной сестры Ксении Александровны, морской офицер и один из создателей русской военной авиации. В своих воспоминаниях он рассказывает жизнь императорской семьи и ее окружения, в частности рассказывает о тех решениях и ошибках, которые привели Российскую империю к краху. На его глазах блестящая жизнь династии постепенно стирается войной с Японией, революцией 1905 года, Первой мировой и оказывается окончательно сметена катастрофой 1917-го.

УДК 929(470)“1866/1930”
ББК 63.3(2)52-8

ISBN 978-5-04-243686-4 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Глава 1. 14 декабря 1825 года	9
Глава 2. Мое рождение	18
Глава 3. Моя первая война	39
Глава 4. Княгиня Юрьевская	58
Глава 5. Император Александр III	75
Глава 6. Юность и совершеннолетие	94
Глава 7. Плавание Великого Князя	113
Глава 8. Женитьба	140
Глава 9. Царская фамилия	160
Глава 10. «Царские миллионы»	184
Глава 11. Император Николай II	195
Глава 12. Оловянные боги	220
Глава 13. Гроза надвигается...	235
Глава 14. Тысяча девятьсот пятый год	253
Глава 15. Биарриц. Начало авиации	269
Глава 16. Накануне	280
Глава 17. Война и революция	296
Глава 18. Бегство	330
Глава 19. После бури	355
Заключение	377

ОТ АВТОРА

Моя Книга Воспоминаний впервые увидела свет на английском языке в Нью-Йоркском издании Феррер и Рейнхерт.

Теперь я с удовольствием иду навстречу желанию издательства «Иллюстрированной России» познакомить с моим трудом русского читателя, предоставив право издания книги на русском языке в виде приложения к журналу в 1933 году.

Я написал эту книгу, не преследуя никаких политических целей и никаких общественных задач.

Просто в соответствии с пережитым я захотел рассказать, что память сохранила, а главное, отметить этапы того пути, который привел меня к мысли, что единственное ценное в нашей жизни это работа духа и освобождение живительных сил нашей души от всех пут материальной цивилизации и ложных идеалов.

Я верю, что после тяжелых испытаний в России зародится Царство Духа, Царство освобождения души человека.

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

Не может быть Голгофы без Воскресения. А более тяжелой Голгофы, чем Голгофа Великомученицы России, мир не видел.

Будем верить в Царство Духа.

Вот что я хотел сказать моим русским читателям.

*ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ Александр Михайлович
Париж
Июнь 1932 г.*

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

14 декабря 1825 года

Высокий, с военной выправкой, человек торопливо пересек залитый дождем дворик в Таганроге около дворца и вышел на улицу.

У ворот часовой отдал ему честь, но незнакомец его не заметил. Еще миг, и высокий человек исчез во тьме ноябрьской ночи, окутавшей словно пеленой туманом этот южный, приморский городок.

— Это кто был? — спросил сонный гвардейский капрал, возвращающийся с кругового обхода.

— Его Императорское Величество вышли на раннюю прогулку, — ответил часовой, но голос его звучал как-то неуверенно.

— Да ты с ума сошел, — напустился на него капрал, — разве ты не знаешь, что Его Величество тяжело болен, что доктора потеряли всякую надежду и ждут конца Государя до рассвета?

— Оно может так, — сказал часовой, — но ни у кого другого нет таких сгорбленных плеч, как у Государя. Я его знаю ведь. Каждый день в течение трех месяцев вижу его.

Разговор замолк. Часовой опять замер на своем посту.

Несколько часов спустя глухой звон колоколов, разносясь в воздухе на далекия версты вокруг, возвестил русским людям, что Император и Самодержец Всероссийский, победитель Наполеона, Александр I, в Бозе почил.

Несколько фельд-егерей были срочно отправлены в С.-Петербург, чтобы сообщить о происшедшем правительству и законному наследнику, брату почившего царя, великому князю Константину Павловичу.

Офицеру, пользовавшемуся особым доверием, был отдан приказ доставить царские останки в столицу. В течение следующих десяти дней русский народ, затаив дыхание, смотрел на бледного, изможденного человека, сидевшего позади запечатанного гроба на траурной колеснице, которая мчалась со скоростью, напоминавшей атаку французской кавалерии. Ветераны Аустерлица, Лейпцига и Парижа, стоявшие вдоль длинного пути, в недоумении качали головами и говорили, какой странный конец царствования, не превзойденного никем великолепием и славой побед!

Правительство дало краткий приказ не выставлять тела усопшего Императора для поклонения народа.

Тщетно иностранные дипломаты и придворные старались постичь причину таинственности. Спрошенные отговаривались незнанием и только разводили руками.

Но тут произошло событие, заставившее все взоры вернуться от царского катафалка к площади Сената. Наследник престола великий князь Константин отрекся от своих прав на престол в пользу своего младшего брата Николая Павловича. Счастливо женатому морганатическим браком на польке Грудзинской Константину не захотелось променять мирную семейную жизнь в Варшаве на превратности венценосца. Он просил его не винить

и выразил уверенность, что все подчинится его воле. Гробовым молчанием встретил Сенат чтение собственноручно написанного отречения великого князя Константина.

Имя нового наследника великого князя Николая было мало знакомо. У Императора Павла I было четыре сына, и трудно было предвидеть, что красавец Александр I умрет бездетным и что мужественный Константин поразит Россию неожиданностью отречения. Будучи на несколько лет моложе своих братьев, великий князь Николай до декабря 1825 года проходил обычную строевую карьеру, а потому лишь военные круги могли судить о способностях и характере нового Императора.

Хороший и исполнительный строевой офицер, великий князь Николай привык к дисциплине и провел немало часов своей жизни в приемных высших сановников Империи. У него было много высоких качеств и никакого знакомства с государственными делами; он никогда не принимал участия в заседаниях Государственного Совета. К счастью для России, он мог положиться на знания и опыт любивших родину сановников Империи. Эта последняя мысль ободрила тех министров, которые отпирывались представляться юному правителю России.

Однако некоторая холодность омрачила первое представление. Новый Император заявил прежде всего, что он желал бы лично прочесть письмо Константина Павловича. Как человек военный, великий князь Николай опасался интриг со стороны гражданских сановников. Ему дали письмо. Он внимательно его прочел и рассмотрел подпись. Ему все еще казалось невероятным, чтобы наследник русского престола мог послушаться приказа свяще. Во всяком случае, Николай считал, что Константин Павлович должен был заблаговременно предупредить о своих намерениях покойного Императора, чтобы Николай Павлович имел бы возможность и время несколько подготовиться к правлению государством.

Он сжал кулаки и поднялся со своего места. Высокий, красивый, атлетически сложенный Николай был образцом мужской красоты.

— Мы исполним волю нашего покойного брата и желание великого князя Константина, — объявил он, и то, что он сказал «мы», было отмечено министрами. Этот молодой человек заговорил как монарх. Мог ли он так же и действовать? Доказательство представилось гораздо раньше, чем можно было ожидать.

На следующий день, 14 декабря, когда армия должна была присягнуть новому Государю, тайное политическое общество, во главе которого стояли представители родовитой молодежи, решило воспользоваться этим днем, чтобы поднять открытое восстание против престола и династии. Даже теперь, по прошествии столетия, очень трудно составить определенное мнение о политической программе тех, кого история назвала «декабристами». Гвардейские офицеры, писатели, интеллигенты — они подняли восстание не потому, что у них была какая-то общая идея, но, по примеру французской революции, в целях освобождения угнетенного народа. Между ними не было единомыслия по вопросу о том, что будет в России после падения самодержавия. Полковник Пестель, князь Трубецкой, князь Волконский и другие члены петербургской организации декабристов мечтали создать в России государственный строй по примеру английской конституционной монархии. Муравьев и декабристы провинциальных кружков требовали провозглашения республики в духе Робеспьера. За исключением Пестеля, человека с математическим складом ума, взявшего на себя подробную разработку проекта будущей русской конституции, остальные члены организации предпочли приложить свою энергию на внешнюю сторону переворота. Поэт Рылеев видел себя в роли Камилла Дю-Мулена, произносящим пламенные речи и прославляющим

свободу. Жалкий, неуравновешенный юноша Каховский проповедовал необходимость идти по стопам «благородного Брута».

Среди многочисленных сторонников декабристов, привлеченных громкими именами отпрысков лучших русских родов, были и Кюхельбекер и Пущин, двое школьных товарищей Пушкина.

Сам Пушкин, получив известие о происходящих в столице событиях, выехал из своего имения и поспешил в Петербург. Когда он выехал на петербургскую дорогу, испуганный заяц перебежал его путь у самого экипажа. Суеверный поэт остановил ямщика и велел повернуть назад.

Об этом он рассказал своим друзьям заговорщикам и написал прекрасную поэму, посвященную декабрьским дням.

Хотя организация декабристов была создана еще в 1821 году, деятельность ее ничем не проявилась, кроме тайных заседаний и жарких споров, которые велись на квартирах Пестеля, Рылеева и Бестужева-Рюмина. Принимая во внимание русскую страсть к спорам, легко предположить, что декабристы ни до чего определенного и не договорились бы, если бы не таинственная смерть Александра I и отречение от престола великого князя Константина не дали резкого толчка к восстанию.

— Теперь или никогда! — воскликнул Каховский, потрясая огромным пистолетом.

Полковник Пестель колебался, но большинство заговорщиков присоединились к Каховскому.

Вечером, 13 декабря, не придя к единодушному решению, они отправились по казармам и провели всю ночь в переговорах с солдатами гарнизона столицы. Их план,

если у них вообще был какой-либо план, состоял в том, чтобы вывести несколько полков на Сенатскую площадь и заставить Императора принять их требования установления в России конституционного образа правления. Задолго до рассвета стало ясно, что заговор не удался. Солдаты не понимали ни пламенного красноречия декабристов, ни длинных цитат из Жан-Жака Руссо. Единственный вопрос, поставленный солдатами заговорщикам, был о значении слова «конституция». Солдаты спрашивали, не было ли «Конституция» имя польки, супруги великого князя Константина Павловича.

— Еще есть время, — предложил Пестель: — все отменить!..

— Слишком поздно, — ответили его соратники: — правительству уже известно, что происходит в гарнизоне. Нас все равно арестуют и предадут суду. Лучше умереть в борьбе!

На рассвете два батальона, под командой офицеров заговорщиков, решились выступить. Их продвижение по улицам по направлению к Сенату не вызвало никакого сопротивления.

Правда, военный губернатор С.-Петербурга, герой Отечественной войны, граф Милорадович, выставил на Сенатской площади полк преданной правительству кавалерии и одну батарею артиллерии, но допустил мятежников построиться перед Сенатом.

В это утро тяжелый туман поднимался с берегов Невы над Петербургом. Когда к полудню он рассеялся, то смятенные толпы народа увидели на Сенатской площади батальоны мятежников и верные правительству полки, стоящие друг против друга на расстоянии трехсот шагов.

Время шло. Солдатам захотелось есть. Главари тайной организации чувствовали себя жалкими и беспомощными. Они были готовы пожертвовать своими жизнями, но правительство, как было видно, не хотело кровопролития. Со стороны декабристов было бы сущим безумием атаковать имевшимися в их распоряжении батальонами пехоты соединенные силы кавалерии и артиллерии.

— Стоячая революция! — раздался чей-то голос сзади. И эта ставшая исторической фраза была встречена взрывом смеха.

Внезапно по рядам пронесся шепот:

— Молодой Император! Молодой Император! Посмотрите — вот он верхом рядом с Милорадовичем!

Вопреки уговорам приближенных и свиты не рисковать своей жизнью, Император Николай Павлович решил лично принять командование верными ему войсками. Окруженный группой военных, верхом на громадной лошади, он представлял собою хорошую мишень для мятежников. Даже плохой стрелок не мог бы промахнуться!

— Ваше Императорское Величество! — взмолился испуганный Милорадович, — прошу Вас вернуться во дворец!

— Я останусь здесь, — последовал твердый ответ, — кто-нибудь должен спасти жизнь этих сбитых с толку людей!

Милорадович прищпорил своего славного коня и поскакал в противоположный конец площади. Как и его монарх, генерал не боялся русских солдат. Они никогда не решились бы выстрелить в генерала, который еще так недавно вел их против старой гвардии Наполеона.

Остановившись против мятежников, Милорадович произнес одну из тех речей, которые в 1812 году вдохновляли ни один из геройских полков на боевые подвиги. Каждое слово генерала попадало в цель. Солдаты улыбались шуткам генерала, и их лица светлели. Еще

минута, и они последовали бы его «братскому совету старого солдата» и вернулись бы в свои казармы...

Но в эту критическую минуту темная фигура встала между солдатами и Милорадовичем.

Бледный, растрепанный, пахнувший винным перегаром, с утра так и не расстававшийся со своим пистолетом, Каховский нацелился и выстрелил в упор в Милорадовича. Генерал зашатался в седле. Негодующие крики слышались и с той, и с другой стороны. Император Николай нахмурился и бросил быстрый взгляд в сторону батареи. Раздались выстрелы. Эхо разнесло их по всему городу...

«Стоячая революция» кончилась. Несколько солдат было убито, и все главари мятежа до полуночи арестованы.

Во время одного из своих путешествий по Сибири, Император расспрашивал о мельчайших подробностях жизни сосланных им представителей аристократии, которые, сами того не подозревая, сделались предшественниками движения, окончившегося девяносто два года спустя.

Также выразил он желание побеседовать со старцем, известным под именем Федора Кузьмича, и сделал большой крюк с пути, чтобы посетить его убогую хижину в глуши Сибири.

Свидание произошло без свидетелей. Император оставался с глазу на глаз со старцем более трех часов. Он вышел от него в глубокой задумчивости. Свите Царя показалось, что на его глазах были слезы.

«Может быть, — писал впоследствии один из свиты, — есть доля правды в легенде, которая говорит, что в Петропавловском соборе погребен простой солдат под видом Александра I, а подлинный Император скрывался в Сибири, под именем старца Федора Кузьмича».

Мой покойный брат, великий князь Николай Михайлович, работая несколько лет в наших семейных архивах, старался найти подтверждение этой удивительной легенды. Он верил в ее правдоподобие, но дневники нашего деда Николая I, как это ни странно, даже не упоминают о посещении им старца Федора Кузьмича.

Началом легенды было слово часового Таганрогского дворца; это слово подхватила народная молва, упорно говорившая, что сибирский старец Федор Кузьмич был не кто иной, как Император Александр I, скрывшийся в ночь его мнимой кончины. Неопровержимым фактом также остается мистическая настроенность Императора Александра I в последние годы его царствования, которая давала историкам основание верить в легенду.

Утомленный продолжительными войнами с Наполеоном и потеряв всякую веру в немецких, английских и австрийских союзников, мой царственный внучатый дядя любил месяцами жить в провинциальном захолустье своего Таганрогского дворца, читая Библию вместе со своей грустной и прекрасной женой, оплакивавшей долгими годами свою бездетность.

Император Александр, страдая бессонницей, часто вставал ночами, стараясь рассеять думы, полные видений прошлого. Две сцены преследовали его постоянно: граф Пален, входящий в его комнату 11 марта 1801 года с вестью об убийстве его отца Императора Павла I; и Наполеон в Тильзите, обнимающий его и обещающий поддерживать вечный мир в Европе. Оба эти человека лишили его юности и обагрили его руки кровью.

Без конца перечитывал он слова Библии, подчеркнутые его карандашом:

«Видел я все дела, какие делаются под солнцем: и вот, все суета».

Екклезиаст. Гл. I, ст. 14.

ГЛАВА 2

Мое рождение

— Ее Императорское Высочество великая княгиня Ольга Федоровна благополучно разрешилась от бремени младенцем мужеского пола, — объявил 1-го апреля 1866 года адъютант великого князя Михаила Николаевича, тогдашнего наместника на Кавказе, вбегая в помещение коменданта тифлисской крепости. — Прошу произвести пушечный салют в 101 выстрел!

— Это даже перестает быть забавным, — сказал старый генерал, сумрачно глядя на висящий перед ним календарь. — Мне уже этим успели надоест за все утро. Забавляйтесь вашими первоапрельскими шутками с кем-нибудь другим, или же я доложу об этом Его Императорскому Высочеству.

— Вы ошибаетесь, Ваше Превосходительство, — нетерпеливо перебил адъютант, — это не шутка. Я иду прямо из дворца и советовал бы вам исполнить приказ Его Высочества немедленно!

Комендант пожал плечами, еще раз кинул взор на календарь и отправился во дворец проверить новость.

Полчаса спустя забухали орудия, и специальное сообщение наместника оповестило взволнованных грузин,

армян, татар и других народностей Тифлиса о том, что новорожденный великий князь будет наречен при крещении Александром в честь его царственного дяди — Императора Александра II.

2-го апреля 1866 года, в возрасте 24 час. от роду, я стал полковником 73-го Крымского пехотного полка, офицером 4-го стрелкового батальона Императорской фамилии, офицером гвардейской артиллерийской бригады и офицером кавказской гренадерской дивизии. Красавица мамка должна была проявить всю свою изобретательность, чтобы уговорить обладателя всех этих внушительных рангов.

Следуя по стопам своего отца Императора Николая I, человека исключительной прямолинейности и твердости взглядов, отец мой считал необходимым, чтобы его дети были воспитаны в военном духе, строгой дисциплине и сознании долга. Генерал-инспектор русской артиллерии и наместник богатого Кавказа, объединявшего до двадцати разных народностей и враждующих между собой племен, не разделял современных принципов нежного воспитания. Моя мать до брака, принцесса Цецилия Баденская, выросла в те дни, когда Бисмарк сковывал Германию железом и кровью.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что радости беззаботного детства внезапно оборвались для меня в тот день, когда мне исполнилось семь лет. Среди многочисленных подарков, поднесенных мне по этому случаю, я нашел форму полковника 73-го Крымского пехотного полка и саблю. Я страшно обрадовался, так как сообразил, что теперь сниму свой обычный костюм, который состоял из короткой розовой шелковой рубашки, широких шаровар и высоких сапог красного сафьяна, и облекусь в военную форму.

Мой отец улыбнулся и отрицательно покачал головой. Конечно, мне иногда позволяют, если я буду послушным,

надевать эту блестящую форму. Но прежде всего я должен заслужить честь носить ее прилежанием и многолетним трудом.

Лицо мое вытянулось, но худшее было еще впереди.

— С завтрашнего дня, — объявил мне отец, — ты уйдешь из детской. Ты будешь жить с братьями Михаилом и Георгием. Учись и слушайся своих учителей.

Прощайте, мои добрые нянюшки, мои волшебные сказки! Прощайте, беззаботные сны! Всю ночь я проплакал в подушку, не слушая ободряющих слов моего доброго дядьки казака Шевченки. В конце концов, видя, что его обещания навещать меня каждое воскресенье не производят на меня должного впечатления, он стал нашептывать испуганно:

— Вот будет срам, если его Императорское Величество узнают и отдадут в приказе по армии, что его племянник, великий князь Александр, отрешается от командования 73-м Крымским полком, потому что плачет, как девочка!

Услышав это, я вскочил с постели и бросился мыться. Я пришел в ужас, что чуть не обесчестил всю нашу семью в глазах Императора и России.

Еще одно событие, большей важности, совпало со днем моего рождения. Я нахожу, что оно явилось для меня прямо откровением, настолько сильно была потрясена им моя юная душа. Я говорю о первой исповеди. Добрый батюшка, о. Георгий Титов старался всячески смягчить впечатления говения.

Впервые в моей жизни я узнал о существовании различных грехов и их определение в словах отца Титова. Семилетним ребенком я должен был каяться в своей причастности к делам дьявольским. Господь Бог, который беседовал со мной в шепоте пестрых цветов, росших в нашем саду, внезапно превратился в моем сознании в грозное, неумолимое существо.